

* * *

Завершая разговор об историческом пространстве, отраженном в песнях о Северной войне, подчеркнем: песни этого времени сосредоточены прежде всего на пространстве вновь присоединяемых земель; старинные русские территории и города остаются на периферии песенного пространства.

Употребление топонимов в историко-песенном фольклоре этого времени обусловлено жанровой разновидностью песен о Северной войне: это солдатские песни-хроники, запечатлевающие конкретные эпизоды военных действий. Отсюда стремление к конкретике исторического пространства.

В то же время, при всей опоре на историческую конкретику, песни постоянно сопрягаются с предшествующей традицией. Анализ топонимов — казалось бы, частной стороны историко-фольклорного текста — позволяет наглядно ощутить механизмы преемственности внутри традиции. Вновь создающиеся в XVIII веке песенные произведения корреспондируют не только с реальными событиями в истории (битвы и сражения), но и с самой традицией. Именно поэтому в одном топонимическом поле, т. е. в одном сюжете, одновременно уживаются *Балтийское море* и *Хвалынское* (Каспийское) море, *Нева* и *Волга*.

Историческая конкретика не исключает и топонимотворчества в исторических песнях. В историко-песенном фольклоре в спектре Невы появляются реки *Переправа*, *Перебрага*, *Небрага*. Псевдотопонимом, по нашему мнению, является *Красная Мыза*.

Историко-песенный фольклор позволяет наглядно ощутить, как в одном художественном пространстве сосуществуют старые и новые географические имена, обозначающие один и тот же локус (*Колывань* и *Ревель*, *Юрьев* и *Дерпт*, *Варяжское море* и *Балтийское море*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-110-121

© А. С. Бодрова

К ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ И РЕЦЕПТИВНОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ ПОЭМ А. С. ПУШКИНА: «<ВАДИМ>», «БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ» И ИХ РАННИЕ СПИСКИ*

В недавнее время — в разных филологических дисциплинах — возобновился интерес к теоретико-текстологическим вопросам, проблематизирующим принципиальные подходы к изучению рукописной традиции применительно к текстам и памятникам разных эпох. Осмыслению взаимоотношений между рецензионистскими, стемматическими подходами, которые ставят целью гипотетическую реконструкцию первоначального текста на основе анализа соотношения списков и общих ошибок, и «оптимистической» «новой филологией», с ее установками на выбор «лучшего источника» и учет равно значимых вариантов, посвящена содержательная статья М. В. Шумилина.¹ И хотя основной ее фокус — современное состояние дел в антиковедении и медиэвистике, по своей проблематике она выходит далеко за пределы ис-

* Автор выражает искреннюю признательность коллегам, участвовавшим в обсуждениях докладов на Эткиндовских (2012) и Гаспаровских чтениях (2021), легших в основу настоящей статьи, и консультировавшим меня по разным вопросам истории текста пушкинских поэм, — Т. А. Китаниной, Т. И. Краснобородько, Е. О. Ларионовой, Т. Н. Степанищевой. Особая благодарность — сотрудникам читального зала ОПИ ГИМ за помощь в работе с фондами архива.

¹ Шумилин М. В. Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык» // *Vox medii aevi*. 2020. Vol. 1–2 (6–7). С. 28–75.

следований классической и средневековой литературы. С другой стороны, неожиданный опыт перенесения стемматического подхода на подачу разночтений в списках стихотворений Пушкина представлен в недавней статье Е. О. Ларионовой,² где справедливо констатируется, что принципы публикации вариантов и выбора основного текста применительно к тем произведениям Пушкина, которые не сохранились в авторитетных и авторизованных источниках, но дошли только в списках, до сих пор не были отрефлексованы и внятно сформулированы.

Изучение списков для текстов «новой литературы» может вообще представлять большой интерес — как в собственно текстологическом, так и в историко-литературном отношении. Наряду с наиболее очевидной читательской рецепцией того или иного текста, исследование которой до сих пор затруднено отсутствием точных датировок списков и незначительной их выявленностью, изучение рукописного бытования произведений — парадоксальным образом — может позволить уточнить и их творческую историю, этапы авторской работы над «большим замыслом», особенно в тех случаях, когда речь идет об относительно объемных текстах долгой допечатной судьбы. Здесь в качестве примера можно сослаться на разыскания Г. О. Винокура и Б. В. Томашевского, затем продолженные О. А. Проскуриным, о допечатной истории «Бахчисарайского фонтана», последний этап которой был восстановлен исследователями с опорой на списки с предпечатной редакции.³

Настоящая статья ставит перед собой цель проиллюстрировать тесную связь творческой и рецептивной истории на сходном материале южных текстов Пушкина — поэмы «Братья разбойники» и незавершенной поэмы «Вадим». Написанные на Юге в 1821–1823 годах, обе они сначала представлялись читателям как отрывки произведений, частично «истребленных» самим автором, распространялись как в санкционированных Пушкиным, так и в не зависящих от его воли списках, а в более или менее законченном виде были напечатаны по прошествии нескольких лет от времени первоначальной известности. Эти сюжеты, однако, важны не только для уточнения истории создания и чтения пушкинских южных поэм, но и — шире — для выработки методики описания и анализа прижизненных списков.

* * *

Незавершенная поэма «Вадим», о сюжете которой позволяют судить сохранившийся в рукописях Пушкина черновой план⁴ и разнородные публикации первой песни (о них см. подробнее далее), — один из наименее изученных лиро-эпических текстов периода южной ссылки (1820–1824).⁵ Самая «северная» и самая «историческая», поэма должна была рассказывать о легендарном Вадиме Храбром, новгородском князе или посаднике, противостоявшем Рюрику и, согласно летописному свидетельству, им умерщвленном. Первоначально Пушкин планировал разработку этого сюжета в драматической форме (см. план и стихотворный отрывок «Ты видел Новгород; ты слышал глас народа...», датирующиеся концом 1820 — началом 1822 года⁶), однако от попыток

² Ларионова Е. О. К методике установления пушкинского стихотворного текста по копиям. Некоторые предварительные рассуждения // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2019. Вып. 33. С. 123–136.

³ См.: Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3. С. 230–243; Томашевский Б. В. Пушкин. Книга первая: 1813–1824. М.; Л., 1956. С. 512–514; Проскурин О. А. [Комментарии] // Пушкин А. С. Соч. Комментированное изд. / Под общ. ред. Д. Бетеа. М., 2007. Вып. 1. Поэмы и повести. Ч. 1. С. 267–271 (2-й паг.).

⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 4. С. 370–371.

⁵ Свод основных сведений об истории замысла «Вадима» см. в содержательной статье Т. А. Китаниной (Китанина Т. А. «Вадим» // Пушкинская энциклопедия: произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Г. С. 235–243), которая сопровождается библиографическим списком наиболее релевантных работ — в их числе назовем прежде всего исследования О. А. Проскурина, В. А. Кошелева и Е. А. Вилька.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 229–230, 957–958 (комм. Т. А. Китаниной).

написать историческую трагедию он вскоре перешел к романтической поэме, учитывая активно разрабатывавшиеся на Юге байронические модели, оссианическую традицию, а также балладные и элегические опыты В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова на русском (псевдо)историческом материале.⁷ Дошедшая до нас «первая песнь» поэмы, содержащая рассказ о ночной переправе через «варяжские волны» юного изгнанника Вадима и сопровождающего его старого рыбака, их ночлеге на берегу, беспкойных снах и утреннем прощании, хорошо показывает принципы сочетания и «монтажа» описанных элементов и оказывается вполне сюжетно завершенным «отрывком».⁸

Несмотря на то, что работа над этим замыслом активно велась в начале 1822 года, Пушкин не спешил придавать ему известность. Публикация отрывков из поэмы состоялась только в 1827 году в необычных обстоятельствах, обусловивших раздробление текста «Вадима» в печати. «Отрывок из новгородской <так!> повести „Вадим“» под заглавием «Сон» впервые был опубликован в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год,⁹ издававшимся известным литератором Б. М. Федоровым,¹⁰ и заключал довольно большой фрагмент (63 стиха), описывающий сны Вадима, в том числе кошмарный сон, в котором он видит мертвой свою возлюбленную. В исследовательской литературе эта публикация (помимо отрывка из «Вадима», Федоров поместил в «Памятнике отечественных муз» пять лицейских стихотворений Пушкина — «Романс», «Желание», «Здравный кубок», «Фавн и пастушка», «К живописцу») часто называется несанкционированной и едва ли не пиратской,¹¹ однако это противоречит совокупности данных в пользу того, что Пушкин знал о намерении Федорова и разрешил издателю напечатать свои ранние тексты в альманахе,¹² собиравшемся при деятельной помощи бывшего начальника Федорова по департаменту духовных дел и давнего старшего друга Пушкина А. И. Тургенева.¹³ В записке цензору К. С. Сербиновичу Федоров прямо ссылался на полученное от Пушкина письмо и дозволение «поместить

⁷ О жанрово-стилистическом генезисе «Вадима» см.: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 122–126; об исторических источниках сюжета о Вадиме и соотношении драматического и лиро-эпического замыслов Пушкина см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 959–966 (комм. Т. А. Китаниной).

⁸ Исследование обрывков черного автографа «Вадима» в рабочей тетради Пушкина ПД 832 (на корешках вырванных листов 3 а–е), предпринятое Н. В. Измайловым при подготовке Академического собрания сочинений Пушкина (см.: *Бонди С. М.* Из материалов редакции академического издания Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 465), а затем повторенное В. Д. Раком (*Рак В. Д.* Обрывки автографа пушкинской поэмы «Вадим» // Русская литература. 2005. № 3. С. 91–98), также заставляет прийти к выводу о том, что «черновая рукопись содержала, по-видимому, все, что известно из текста „Вадима“ <...> и едва ли заключала продолжение текста, кроме известного в печати» (*Бонди С. М.* Из материалов редакции академического издания Пушкина. С. 465). Отметим, что в статье В. Д. Рака автором текстологического описания «Вадима» для Большого академического издания назван С. М. Бонди, который был ответственным редактором тома, однако и в цитируемом отчете (Там же. С. 459), и в редакционном предисловии к четвертому тому Академического издания (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 4. С. 7) редактором и комментатором поэмы назван Н. В. Измайлов.

⁹ *Пушкин А. С.* Сон (Отрывок из Новгородской Повести: *Вадим*) // Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 35–37. Цензурное разрешение альманаху датируется 21 декабря 1826 года, однако тексты для издания могли подаваться цензору и раньше этого времени (см. ниже).

¹⁰ Актуальный свод литературной и житейской биографии Б. М. Федорова см.: *Костин А. А.* Федоров Борис Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 412–416.

¹¹ См., например: Первая песнь поэмы «Вадим» (по списку из архива кн. М. А. Урусова) // [Публ. и комм. С. Бонди] // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 26; *Вильк Е. А.* «Медный всадник» и поэма Пушкина «Вадим»: Взаимосвязь замыслов // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 7.

¹² Аргументация суммирована в комментарии к стихотворению «Романс»: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 619–620.

¹³ См.: *Костин А. А.* Федоров Борис Михайлович. С. 414.

в <...> альманахе прилагаемые при сем стихотворения»,¹⁴ в июне 1827 года за чаем у Карамзиных благодарил Пушкина за тексты;¹⁵ кроме того, едва ли Федоров мог позволить себе публично, в редакторской заметке, заявлять об авторском разрешении,¹⁶ если такового не последовало бы. Однако можно вполне уверенно полагать, что источниками для публикации Федорову послужили имевшиеся у него списки текстов Пушкина, которые едва ли посылались ему на апробацию.

Появление текста в «Памятнике отечественных муз» напомнило Пушкину о давнем замысле и, очевидно, послужило импульсом для авторской публикации «Вадима», которая встраивалась в ряд изданий и переизданий ранних поэм, предпринятых в 1827–1829 годах.¹⁷ Как можно заключить из письма Д. В. Веневитинова М. П. Погодину от 12 декабря 1826 года, Пушкин сначала отдал какой-то фрагмент «Вадима» Н. А. Полевому для помещения в «Московском телеграфе», в котором текст «по причинам неизвестным Автору» не был, однако, напечатан.¹⁸ В итоге «Отрывок из неоконченной поэмы» с уточняющим хронологическим подзаголовком «писано в 1822 году» Пушкин поместил в сентябрьском номере журнала «Московский вестник»,¹⁹ указав

¹⁴ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1599. Л. 199. Записка Федорова не датирована, но о том, что речь идет именно об альманахе на 1827 год, свидетельствует упоминание о «двух пиесах Глебова», которые Федоров также просит процenzуровать, — в «Памятнике отечественных муз» были напечатаны два стихотворения А. Н. Глебова — «Весна» и «Узник» (Памятник отечественных муз на 1827 год. С. 128–130, 136–138). Уточнить хронологию цензурного рассмотрения альманаха позволяет другое письмо Федорова Сербиновичу о том же сюжете, датированное 28 ноября 1826 года: «При сем прилагаются прозаические статьи и стихи Державина с покорнейшею просьбою о рассмотрении оных для моего Альманаха. — Сделайте милость, почтеннейший Константин Степанович; прибавьте к Вашим одолжениям стихи Александра Сем<ен>овича <Шишкова. — А. Б.>. — Я уверен, что Вам не трудно выпросить их, а это бы довершило достоинство моего Альманаха. — Впрочем, Сочинения Державина для меня истинное сокровище. Тут еще увидите Вы одно письмо Суворова со стихами и две надписи — сочинения Херасковой и Урусовой. Стихи сии не были нигде напечатаны» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1599. Л. 23).

¹⁵ См. запись об этом в дневнике Сербиновича от 18 июня 1827 года: Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. [и прим.] В. Нечаевой // Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 256.

¹⁶ См.: «Уважающим скромность, украшающую блистательный гений, приятно будет узнать, что Александр Сергеевич Пушкин, позволив издателю поместить в сем Альманахе некоторые из первых произведений своей Музы, не доверяя достоинству их, желал, чтоб издатель означил время сочинения их. Но в сих произведениях юного Поэта виден зрелый дар гения — и тем они драгоценнее для Памятника Отечественных Муз» (Памятник отечественных муз на 1827 год. С. 3).

¹⁷ Ср. вышедшие отдельными изданиями поэмы «Цыганы» и «Братья разбойники», с характерными хронологическими указаниями, подчеркивающими временную дистанцию между созданием и публикацией текста (Пушкин А. С. Цыганы (Писано в 1824 году). М., 1827; Братья разбойники. А. Пушкина (Писано в 1822 году). М., 1827; об истории «Братьев разбойников» и сразу следовавшего 2-го издания поэмы, не поступившего в итоге в продажу, см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 148–156; Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века: В 3 т. М., 2021. Т. 2. С. 25–29), и выход вторых изданий «Бахчисарайского фонтана» (Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1827), «Кавказского пленника» (Кавказский пленник. Повесть Александра Пушкина. 2-е изд., испр. СПб., 1828) и «Руслана и Людмилы» (Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. 2-е изд., испр. и умноженное. СПб., 1828).

¹⁸ Ср.: «Отнимать у Полевого Вадима не годится, и Пушкин верно никогда на это не даст своего согласия; а надобно требовать от него позволения напечатать в 1-м № Вест., что он ни в каком другом журнале помещать стихов своих не будет исключая Вадима, которого он уже в таком-то месяце отдал Г-ну Полевому, и который, по причинам неизвестным Автору еще не напечатан. На это Пушкин верно согласится. <...> Как скоро получишь это письмо, пиши к Пушкину о Вадиме, так как тебе совеститься нечего» (цит. по: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. [Александр Пушкин]. С. 683–684; первая публикация письма: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1889. Кн. 2. С. 65–66).

¹⁹ Пушкин А. С. Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году) // Московский вестник. 1827. Ч. V. № XVII. С. 3–7.

в примечании, что «несколько стихов из сего отрывка напечатано было в Памятнике отечественных муз 1827 года».

Любопытно соотношение текста, выбранного для публикации в «Московском вестнике», с тем фрагментом, который появился в альманахе Федорова. Пушкин опубликовал существенно более объемный текст (134 строки), дающий представление о динамике сюжета, введя пейзажный зачин, описание пути героев к берегу, их ночлега, сна рыбака и утреннего пробуждения обоих героев, но исключил из авторизованной публикации напечатанный Федоровым наиболее драматический эпизод сна Вадима — ту часть, когда герой видит «знакомый терем» и «мертвую девицу», в чьей гибели повинен он сам. Демонстративно обрывая текст на сцене утреннего пробуждения персонажей и природы (на обрыв указывает неполный финальный стих и многоточие в его конце: «Навстречу радостной денницы, / Щебеча, полетели птицы / И рассвело...»), Пушкин также не включил в публикацию еще неизвестную в печати сцену прощания Вадима и старого рыбака, трогательно благословляющего героя и желающего ему встречи с «юной супругой», — и таким образом вовсе элиминировал любовный сюжет или намеки на него и представил ранний замысел скорее как историческую поэму, лишенную романтических или мелодраматических ходов.²⁰

Именно в такой редакции Пушкин напечатал текст «Вадима» и в своем поэтическом сборнике 1829 года,²¹ что создавало для последующих издателей очевидные текстологические проблемы. Вплоть до начала 1940-х годов текст поэмы был известен только по перечисленным прижизненным публикациям; соответственно, редакторы собраний сочинений должны были либо игнорировать строки, известные только по альманаху Федорова (согласно принципу последней авторской воли),²² либо давать контаминированный текст, дополняя авторизованные пушкинские публикации тем фрагментом, который был напечатан в «Памятнике отечественных муз».

Между тем, как следует из публикации Федорова и ее различий по сравнению с авторизованными текстами, а также из отклика А. Н. Муравьева на появление «Отрывка...» в «Московском вестнике» (опубликованного в 1889 году), поэма еще раньше ходила в списках, а текст ее был более обширным, чем напечатанные фрагменты. 27 ноября 1827 года Муравьев так писал Погодину о «Вадиме»: «В предпоследнем номере Вестника я читал прекраснейший отрывок Пушкина из Вадима; *хотя я его и прежде знал, но здесь прочел снова с большим удовольствием, жалею, зачем вы не поместили двадцати последних стихов, где старик прощается с юношей, желая ему всяких благополучий, и говорит, чтобы невеста его встретила с улыбкой и слезами, — выражение прелестное, и которое прекрасно бы окончило сей отрывок*, по моему мнению, один из лучших творений Пушкина; желал бы я прочесть всю поэму, которой сюжет занимателен и изобилует поэзией».²³ Не менее показательно и еще одно свидетельство, относящееся к весне 1824 года и принадлежащее знакомцу Муравьева литератору-декабристу Петру Александровичу Муханову, который в письме от 13 апреля интриговал своего корреспондента К. Ф. Рыльева: «*У меня есть начало Разбойников и первая песнь Вадима*, но автор назначил их к истреблению и поэтому не хочет, чтобы ходили по рукам и даже говорили об оных. Но, зная твою аккуратность, может быть сдамся, получа убеждение в сохранении их в тайне» (курсив мой. — А. Б.).²⁴ Учитывая сведения о допечатной известности «Вадима», можно предпола-

²⁰ Подобная авторедактура могла быть связана со спецификой позиции и самоощущения Пушкина в 1826–1828 годах, когда он — как по эстетическим, так и по политическим причинам — демонстративно стремился дистанцироваться от своей ранней поэтики, подчеркивая обретенную зрелость и большую серьезность.

²¹ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 1. С. 158–165.

²² Такое решение было принято Н. В. Измайловым при подготовке тома поэм в Большом академическом издании: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 4. С. 127–142.

²³ Пушкин по документам архива М. П. Погодина. С. 696 (курсив мой. — А. Б.); первая публикация отрывка из этого письма: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. С. 87–88.

²⁴ Впервые без имени адресанта письмо Рылееву было напечатано П. И. Бартевым в 1872 году (Девятнадцатый век: исторический сб. / Изд. П. Бартевым. М., 1872. Кн. 1. С. 368–

гать, что Муханов не скрыл от Рыльева и, вероятно, от других своих знакомых имевшиеся у него пушкинские тексты, — и таким образом, первостепенное текстологическое значение приобретают списки поэмы, в особенности такие, которые дают максимально полный текст и содержат стихи, запомнившиеся Муравьеву.

Первый (и до недавнего времени единственный) полный список «Вадима» был найден во время подготовки Большого академического издания, однако уже после того, как том ранних поэм вышел из печати. В 1940 году в Смоленском областном архиве в фонде князей Урусовых обнаружился список первой песни, принадлежавший М. А. Урусову и его жене, урожденной Е. П. Энгельгардт; он впервые был опубликован сотрудницей Государственного музея А. С. Пушкина О. И. Поповой в «Литературной газете»,²⁵ а затем — в сопровождении более развернутого комментария — С. М. Бонди.²⁶ Урусовский список подтвердил как аутентичность фрагмента, известного только по публикации в «Памятнике отечественных муз», так и указание Муравьева о финальных стихах, а также дал еще один небольшой фрагмент (ст. 71–75) в середине текста и, не смотря на некоторые погрешности и явные ошибки, был признан — в Справочном томе Большого академического издания — наиболее авторитетным источником основного текста «Вадима».²⁷ При этом еще до выхода Справочного тома — была сделана другая текстологическая находка: в 1958 году В. С. Нечаева обнаружила в Остафьевском архиве, в четвертой записной книжке П. А. Вяземского, датируемой 1823–1826 годами, копию первых 43 строк пушкинской поэмы, которая содержала один вовсе не известный стих, менявший чтение ст. 33–34 (в Урусовском списке, публикациях «Московского вестника» и «Стихотворений» 1829 года: «Кремень звучит, и пламя вскоре / Далеко осветило море...», в то время как в копии Вяземского: «Кремень звучит, *огонь струей* / *Летит на хворост*, — пламя вскоре / Далеко осветило море»), и в нескольких характерных стихах совпадала с данными урусовского списка — в отличие от авторизованных пушкинских публикаций.²⁸

Обнаружение копии из архива Вяземского снова проблематизировало установление основного текста (вводить или не вводить в него ст. 33–34 по этому списку), который, как и на предыдущем этапе, мог оказаться либо контаминированным, либо неполным. Однако в недавнее время удалось обнаружить еще один ранний список первой песни «Вадима», эти вопросы снимающий, — это список из архива семейства

369), принадлежность письма П. А. Муханову была установлена М. А. Цявловским в предисловии к публикации дневника сестры Муханова Е. А. Шаховской (Дневник кн. Е. А. Шаховской / [Публ. М. А. Цявловского] // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. Год издания IX. 1920–1921. С. 99).

²⁵ *Попова О. И.* Неизданные стихи Пушкина из поэмы «Вадим» // Литературная газета. 1940. 7 нояб. № 55. С. 6. Найденный список был передан из Смоленского архива сначала в Музей А. С. Пушкина, а затем в Рукописный отдел Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 5. № 108).

²⁶ Первая песнь поэмы «Вадим» (по списку из архива кн. М. А. Урусова) / [Публ. и комм. С. М. Бонди]. С. 21–30.

²⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [Т. 17]. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели. С. 33–38.

²⁸ *Нечаева В. С.* Новое о Пушкине (По материалам записных книжек П. А. Вяземского). 1. Тексты Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1958. Т. XVII. Вып. 5. С. 451–452 (курсив мой. — А. Б.). Современный архивный шифр: РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. № 1108. Л. 80–81. Копия делалась, вероятно, не в один прием (после записи ст. 1–8 перо становится более тонким, затем на развороте л. 80 об. — 81 снова происходит возвращение к первой манере написания) и как будто обрывается в перспективе последующего дописывания (на л. 81 записана только одна строка: «Кругом ни цвета, ни травы...»). На предыдущих листах Записной книжки (л. 78–79 об.) помещена обширная выписка «Сколько было каких товаров и продуктов на ярмарке 1823-го года», связанная с посещением Вяземским Макарьевской ярмарки в августе 1823 года (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / Изд. подг. В. С. Нечаева М., 1963. С. 411). Вслед за копией «Вадима», сразу же ниже на л. 81 и далее (л. 81–82), помещена, с пометой «De Varsovie, le 7 Mars», копия двух указов Александра I от 1 (13) февраля 1825 года — о созыве Третьего польского сейма 1/13 мая 1825 года и о поправке в Польскую конституцию, согласно которой обыкновенные заседания парламента делались закрытыми для публики (*Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 413). Такой конвой копии «Вадима» позволяет датировать ее второй половиной 1823-го — началом марта 1825 года.

Мухановых,²⁹ вероятно тот самый, о котором Петр Муханов сообщал в цитирувавшемся выше письме Рылееву, или непосредственно к нему восходящий.³⁰

Рукопись представляет собой шитую тетрадочку из трех полулистов, согнутых пополам, без водяных знаков, с обложкой, на которой помещено заглавие: «Отрывок / из Поемы Вадим / сочиненной / Александром Пушкиным». Список сделан неуставленным почерком, с минимальными исправлениями, внесенными по ходу копирования, и с единственным пропуском второго слова в ст. 11 («Услыша шум весла»), таким же, как и в списке из архива Вяземского. С последним новонайденную копию сближает и наличие ст. 34, т. е. список из архива Мухановых дает такое же чтение ст. 33–34, свидетельствуя в пользу его авторитетности. См. также другие совпадения со списком из архива Вяземского при единственном незначительном расхождении в ст. 31: «И всходит медленной стопой» (Мух, У) — «И входит медленной стопой» (Вяз, МВ, Ст 1829).³¹

ст. 8	Стремится <i>легкое</i> ветрило (У, Мух, Вяз)	Стремится <i>белое</i> ветрило (МВ, Ст 1829)
ст. 11	Услыша шум весла (Мух, Вяз)	Услыша <i>легкий</i> шум весла (У) Услыша <i>близкий</i> шум весла (МВ, Ст 1829)
ст. 19	Глаза <i>вперил</i> , не молвит слова (У, Мух, Вяз)	Глаза <i>вперив</i> , не молвит слова (МВ, Ст 1829)
ст. 27	Другой ветрило <i>опустил*</i> (Мух, Вяз)	Другой ветрило <i>опустилв</i> (У, МВ, Ст 1829)
ст. 33–35	Кремень звучит, <i>огонь струей</i> <i>Летит на хворост</i> — пламя вскоре Далеко осветило море. (Мух, Вяз)	Кремень звучит — и пламя вскоре Далеко осветило море; (У, МВ, Ст 1829)

Мухановский список ожидаемо близок и к списку из архива Урусовых, который, однако, имеет с ним больше расхождений, чем копия Вяземского, что может свидетельствовать о более позднем происхождении и большей дефектности урусовского списка — см., например, чтения ст. 64: «Вот их и волосы золотые» (Мух, МВ, Ст 1829) — «Вот их все волосы золотые» (У), ст. 130 «В постеле холодной, под покровом» (Мух) — «В постеле холодной*, под покровом» (У). Несомненно, однако, что все эти копии — из архивов Мухановых, Вяземского и Урусовых — принадлежат к одному, раннему семейству списков, к которому примыкает и рукопись, бывшая в распоряжении Федорова и послужившая основой публикации в его альманахе (Фед); ср.:

²⁹ Об этом разветвленном семействе см.: Чагин Г. В. Мухановы. СПб., 2007. Активную роль в литературной жизни и литературном быте пушкинской эпохи играли, помимо уже названного литератора-декабриста, историка, издателя рылеевских «Дум» и «Войнаровского» Петра Александровича Муханова (1799–1854), его родной брат Павел Александрович (1797–1871), московский знакомый Пушкина в 1827–1828 годах, и его двоюродные братья — Александр Алексеевич Муханов (1800–1834), сослуживец и финляндский приятель Е. А. Баратынского, и Николай Алексеевич (1802–1871), знакомец А. А. Бестужева и А. С. Грибоедова. В московскую среду общения семьи Мухановых входили как Вяземский, так и Урусов, из чего можно предположить, что их списки могли восходить к тем, которые были в распоряжении П. А. Муханова.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 117 (Мухановы). № 266. Л. 20–25 об. (старый шифр: Ф. 117. № 70. Л. 50–55).

³¹ Здесь и далее в описании разночтений списки и публикации «Вадима» обозначаются сокращенно: *Вяз* — список из архива Вяземского (РГАЛИ), *Мух* — список их архива Мухановых (ОПИ ГИМ), *У* — список из архива Урусовых (ИРЛИ), *Фед* — публикация в «Памятнике отечественных муз», *МВ* — публикация в «Московском вестнике», *Ст 1829* — публикация в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 года. Астериском обозначаются варианты, содержащие явные ошибки или описки, зачеркнутые в рукописи фрагменты заключены в квадратные скобки.

ст. 81	И сходит сон на Славянина. (Мух, У, Фед)	Нисходит сон на Славянина (МВ, Ст 1829)
ст. 102	Правдивых сеч и славы дальней (Мух, У, Фед)	Кровавых сеч и славы дальней (МВ, Ст 1829)
ст. 105	И пламя яркое пиров (Мух, У, Фед)	И пламя яркое костров (МВ, Ст 1829)
ст. 133	Покров приподнимает он (Мух, Фед)	Покров приподымает он (У)

Наконец, отметим и уникальные чтения мухановского списка, отличающие его от других источников текста, среди которых наибольший интерес представляет ст. 195, дающий исправный вариант сложного эпитета:³²

ст. 151	Над [скучной] темной бездною грохочет (Мух)	Над звучной бездною грохочет (У, МВ, Ст 1829)
ст. 155	Нешастный воротиться хочет (Мух)	Несчастный возвратиться хочет (У, МВ, Ст 1829)
ст. 195	С крутых прибережных вершин (Мух)	С крутых приберестых ^о вершин (У)

Мухановский список, таким образом, оказывается, очевидно, наиболее ранним из известных списков «Вадима» и имеет все основания считаться авторитетным источником основного текста для первоначальной редакции поэмы, а его обнаружение дает возможность уточнить не только историю творческой работы Пушкина над произведением, но и обстоятельства его допечатного бытования.

* * *

Обращение к архиву Мухановых позволяет внести коррективы в творческую и рецептивную историю и еще одной южной поэмы, упомянутой в том же письме П. А. Муханова к Рылееву. Вторая новинка — список «начала Разбойников», т. е. интродукции к поэме «Братья разбойники», — находится в одной единице хранения с первой песней «Вадима»,³³ наряду со списками других текстов Пушкина, что позволяет предполагать общее происхождение этих рукописей. Любопытно также, что список содержит только вступительную часть (ст. 1–40, «Не стая воронов слеталась... — И все вокруг его внимают»), после которой сделана помета: «Нас было двое etc», как бы отсылающая к уже знакомому тексту, а в письме Рылееву Муханов хвастается этим «началом Разбойников» как сочинением, еще неизвестным петербургскому адресату. Эти обстоятельства заставляют пристальнее присмотреться к истории текста «Братьев разбойников», в которой обнаруживаются значимые лакуны.

Рукописи поэмы сохранились лишь отрывочно. До нас дошли:

а) два авторских плана в тетради ПД 831 (на л. 62 об., л. 46), датирующиеся летом 1821 года, которые с окончательным замыслом поэмы связаны весьма отдаленно;

б) черновые наброски сюжетной части («Нас было двое: брат и я...») в той же тетради ПД 831 (л. 52–52 об.), записанные, скорее всего, в конце августа — осенью 1821 года,

³² Именно такое чтение было предложено С. М. Бонди при изучении исправлений в Урусовском списке: Первая песнь поэмы «Вадим» (по списку из архива кн. М. А. Урусова). С. 28.

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 117. Л. 19–19 об. Список на полулисте розовой вержированной бумаги, с одной стороны обрезанном, с другой — оборванном; водяные знаки «[18]20 МГОФММ» (ср.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 52. № 329). Внизу л. 19, под текстом помета: «А. С. Грибоедову. 1825 года. Муханов», которая позволяет заключить, что сохранившийся список — более поздний, чем тот, о котором идет речь в письме Рылееву П. А. Муханова, но, очень вероятно, восходящий к этому источнику.

в) черновые наброски вступления, описывающего разбойничий табор («Какая смесь одежд и лиц...»), начатого на отдельном листе (ПД 49) и продолженного во Второй кишиневской тетради ПД 832 (л. 18–18 об.), которые предположительно датируются концом лета 1822 — октябрем 1823 года,³⁴ и, наконец,

г) последние 13 стихов белого автографа, посланного Вяземскому в начале декабря 1823 года.³⁵

Исследователи сходятся в том, что основная работа над текстом поэмы началась непосредственно с рассказа уцелевшего разбойника:³⁶ «Нас было двое, брат и я...» (ПД 831, л. 52–52 об.), которому предшествовал амфибрахический набросок «Нас было два брата — мы вместе росли...» (л. 51), так называемая «Молдав<ская песня>».³⁷ По положению в тетради черновик начала сюжетной части поэмы (рассказ о детстве братьев и их решении взять в товарищи «булатный нож и темную ночь») датируется июлем или, скорее, августом–декабром 1821 года. Где и когда была дописана основная часть истории двух братьев — остается только гадать: этих рукописей не сохранилось. Но можно предполагать, что это произошло еще до того, как было задумано и начерно набросано вступление к поэме.

Наброски зачина с описанием разбойничьего вертепа (на отдельном листке ПД 49 и во Второй кишиневской тетради (ПД 832, л. 18–18 об.)) относятся, вероятно, к более позднему времени — по предположению новейших комментаторов южной лирики, к периоду не ранее конца лета 1822 года.³⁸ Текст вступления во Второй кишиневской тетради носит исключительно черновой характер, с обилием зачеркиваний и поправок. Пушкин, однако, довел его до «переходных строк»: «И все кругом его внимает», а дальше сделал отсылку к уже явно написанной или по крайней мере в общих чертах набросанной основной сюжетной части: «Нас было двое: брат и я». Этот фрагмент, по всей видимости, был в целом готов еще к концу апреля 1822 года, в пользу чего говорят слова Пушкина в черновике письма Н. И. Гнедичу от 29 апреля: «Есть у меня еще отрывок ст<ихов> 200...».³⁹ Примерно 200 стихов — это как раз объем «Братьев разбойников» за вычетом 40-строчного вступления, которое на тот момент, скорее всего, еще не было ни задумано, ни написано.

Наметившийся было замысел публикации «отрывка» был, однако, надолго отложен. Как показали О. А. Проскурин и Т. Н. Степанищева,⁴⁰ причиной этому послужил выход в июле 1822 года байроновского «Шильонского узника» в переводе Жуковского, который перекликался с новой поэмой еще в большей степени, чем «Кавказский пленник».⁴¹ Не желая вызвать упреки в подражании Жуковскому, Пушкин при-

³⁴ Уточненные данные о датировке этих черновых автографов см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 886–887.

³⁵ Ср.: *Пушкин А. С.* 1) Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 4. С. 470; 2) Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 857–858.

³⁶ См.: *Гудзий Н. К.* «Братья-разбойники» Пушкина // Изв. АН СССР. Отд. общественных наук. 1937. № 2/3. С. 645; *Бонди С. М.* Из материалов редакции академического издания Пушкина. С. 467; *Томашевский Б. В.* Пушкин. Книга первая: 1813–1824. С. 448–449; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 886–887 (комм. А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой).

³⁷ О датировке этого наброска и его соотношении с будущей поэмой см. комм. А. И. Роговой: Там же. С. 857–859.

³⁸ Там же. С. 887–888.

³⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 373.

⁴⁰ *Проскурин О.* «Братья-разбойники» и «Шильонский узник» (Как и почему Пушкин сошелся с Жуковским) // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea.* Stanford, Calif., 2008. Part 1. P. 143–144; *Степанищева Т. Н.* К истории пушкинских «Братьев разбойников»: ранняя рецепция поэмы // *Лотмановский сборник.* М., 2014. Вып. 4. С. 190.

⁴¹ Книга поступила в продажу к середине июля 1822 года (см. объявление о выходе «Шильонского узника»: *Сын отечества.* 1822. Ч. 79. № 28. С. 83), однако Пушкин познакомился с переводом Жуковского не сразу: сначала по отрывкам, цитировавшимся в рецензии О. М. Сомова (*Сын отечества.* 1822. Ч. 79. № 29. С. 97–118; номер датирован 22 июля; см. письмо Пушкина Вяземскому от 1 сентября 1822 года из Кишинева, в котором тот говорит, что «Шильонского Узника еще не читал» — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 44), а затем, во второй половине сентября, полностью, получив книгу Жуковского вместе с «Кав-

нялся выстраивать литературную легенду вокруг своего нового замысла, представляя его как «отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончить», или — затем — как уцелевший фрагмент текста, уничтоженного взыскательным автором, — и начал знакомить с ним читателей.⁴²

Первые свидетельства о допечатном распространении поэмы относятся к началу декабря 1822 года: в письме от 8 декабря Ек. Н. Раевская сообщала брату Александру из Киева в Белую церковь, что «Пушкин послал Николаю отрывок поэмы <...> Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона».⁴³ Адресат пушкинской посылки — Н. Н. Раевский, в то время адъютант И. И. Дибича и ротмистр Лейб-гвардии Гусарского полка, по всей видимости, находился в конце 1822 года в Петербурге.⁴⁴ Вероятно, не без его участия поэма начала распространяться в списках и, судя по многочисленным свидетельствам, стала одним из самых обсуждаемых текстов весной — летом 1823 года. Об «отрывке Пушкина „Братья-разбойники“» как о горячей новинке, которую «только достал», писал Вяземскому А. И. Тургенев, затем читавший ее в гостях у Е. Ф. Муравьевой в присутствии Батюшкова. В мае–июне 1823 года «Братьев разбойников» обсуждали в письмах братья Сабуровы, Н. В. Путята и С. Д. Полторацкий, П. П. Татаринов и Н. И. Бахтин; от Тургенева «отрывок» получил Н. И. Греч, слух о «Разбойниках» дошел и до Н. М. Языкова в Дерпте. В мае 1823 года с «Братями разбойниками», очевидно, познакомился и А. А. Бестужев, который, судя по ответному письму Пушкина от 13 июня, был не прочь напечатать «отрывок» в «Полярной звезде» на 1824 год.⁴⁵

При всем многообразии и многоголосии отзывов о поэме остается не вполне ясным, какой именно текст оказался в распоряжении ее первых читателей — в отсутствии списков, принадлежавших кому-либо из упоминавших о «Братях разбойниках» лиц. Однако нельзя не отметить, что многие настойчиво именовали текст «отрывком», а в пересказах или цитатах упоминали только сюжетную часть поэмы, т. е. монолог-исповедь старшего разбойника. Это позволяет предположить, что первоначально поэма старела без красочной экспозиции — описания разбойничьего стана — и начиналась сразу, как и «Шильонский узник», с прямой речи: «Нас было двое: брат и я...», а «начало Разбойников» было прибавлено уже на следующем этапе творческой и публикационной истории поэмы.

Аргументы в пользу этого предположения обнаруживаются при обращении как к уцелевшей части белого автографа «Братьев разбойников», так и к данным многочисленных списков поэмы, выявленных в архивохранилищах Москвы и Петербурга.

Беловую рукопись поэмы Пушкин послал Вяземскому в Москву вместе с письмом от 1–8 декабря 1823 года.⁴⁶ Вероятно, предполагалось присоединить «Братьев разбойников» к планировавшемуся второму, исправленному изданию «Кавказского пленника», о чем косвенно свидетельствует упоминание поправки к «Пленнику» в том же письме Вяземскому. Этот издательский замысел не осуществился, и тогда, судя по

казским пленником» (см. письмо Пушкина Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 года). Подробный анализ переключек между «Братями разбойниками» и «Шильонским узником» см.: *Проскурина О.* «Братья-разбойники» и «Шильонский узник» (Как и почему Пушкин сошелся с Жуковским). Р. 129–146.

⁴² Об этом подробнее см.: *Степанищева Т. Н.* К истории пушкинских «Братьев разбойников»: ранняя рецепция поэмы. С. 190–193.

⁴³ Цит. по: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 1. С. 306–307.*

⁴⁴ Указано: *Закруткин В. А.* «Братья-разбойники» Пушкина // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1937. Т. 7. С. 103.

⁴⁵ Свод ранних откликов суммирован в: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 321–326.* К этому перечню добавим еще одно раннее сообщение о появлении в Петербурге «Братьев разбойников», принадлежащее А. А. Муханову, который писал брату Николаю 5 мая 1823 года: «Вижушь часто с Бестужевым, который разделяет нетерпение мое обнять тебя. Есть ли успею к завтраму списать, пошлю тебе „Братьев-разбойников“ А. Пушкина» (ОПИ ГИМ. Ф. 117. № 24. Л. 54 об.).

⁴⁶ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 81.

письму к Тургеневу от 17 января 1824 года, Вяземский задумал напечатать «Разбойников» под одной обложкой с «Бахчисарайским фонтаном»,⁴⁷ для чего рукопись поэмы была представлена в московскую цензуру 10 января 1824 года. Однако, согласно цензурным документам, опубликованным в 1964 году В. П. Гурьяновым,⁴⁸ «Братья разбойники» были вскоре возвращены издателю «для доставления автору для поправки» без цензурного одобрения.⁴⁹

Хотя от посланной рукописи сохранился лишь лист-обложка с авторской припиской-комментарием на лицевой, «титульной» стороне («Вот тебе и Разбойники...») и последними 13 строками поэмы на правой странице внутреннего разворота (ПД 1272), палеографические особенности позволяют реконструировать примерный объем утраченного текста. Можно предположить, что основной текст поэмы был записан на таких же целых двойных листах, что и сохранившийся лист-обложка, и эти листы были вложены в него — так Пушкин часто поступал, переписывая на бело свои большие сочинения. Маловероятно, чтобы в составе этой импровизированной тетрадки был дополнительно вложенный одинарный лист, так как на последнем листе места было еще предостаточно: почти пол-листа на той странице, где записана концовка, плюс целый пустой оборот. Исходя из плотности записи сохранившегося текста (примерно 23–24 стиха), можно предположительно рассчитать, какой объем строк мог поместиться на утраченных двойных листах. Если такой лист был один, то на нем могло быть записано 92–96 стихов (что, конечно, для поэмы мало); если два — то 184–192 стиха, а если три — то уже 276–288 стихов, что и без известных 13 строк существенно больше, чем весь объем поэмы (235 строк или 239, считая 4 стиха, имеющиеся только в беловом автографе). Таким образом, скорее всего, в автографе недостает двух двойных листов (очевидно отосланных Пушкину обратно, для внесения послецензурных поправок), т. е. 184–192 стихов. Соответственно, объем текста поэмы, присланной Вяземскому, должен был колебаться между 197–205 стихами, в то время как полный текст «Братьев разбойников» — вместе с интродукцией — насчитывает всего 235 стихов. Таким образом, если эти расчеты верны, то и Вяземскому Пушкин посылал поэму без вступления и первыми строками «Разбойников» была реплика старшего брата: «Нас было двое: брат и я...».

Не менее интересную картину дает изучение списков «Братьев разбойников», которых — при систематическом поиске в РО ИРЛИ, РГАЛИ, ОР РГБ, ОР РНБ — было выявлено и просмотрено более тридцати.⁵⁰ Их данные также позволяют заключить, что поэма бытовала без интродукции, а красочное вступление распространялось отдельно или как маркированное дополнение к основному тексту поэмы. Об этом свидетельствуют не только списки без интродукции, открывающиеся монологом разбойника,⁵¹ или

⁴⁷ Ср: «„Фонтан“ <...> уже печатается. <...> Припечатываются и „Разбойники“, ради составления книжечки» (цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 365).

⁴⁸ Гурьянов В. П. Историко-литературные заметки о Пушкине. 1. Первые издания поэта в Москве // Вестник МГУ. Сер. 7. Филология, журналистика. 1964. № 1. С. 84.

⁴⁹ ЦГА Москвы (ЦИАМ). ОХД до 1917 г. Ф. 31. Оп. 1. № 9. Л. 1 об. — 2. «Братья разбойники» ожидаемо отсутствуют в сводных ежемесячных списках рукописей, одобренных Московским цензурным комитетом в январе 1824 года: Там же. Ф. 459. Оп. 1. № 2343. Л. 4 об. — 6.

⁵⁰ Подробное описание списков «Братьев разбойников» и их текстологической специфики — предмет особого исследования.

⁵¹ Списки без интродукции: 1) РГАЛИ. Ф. 143. Оп. 1. № 426. Л. 55 об. — 60 (тетрадь П. В. Голенищева-Кутузова, со списками стихотворений и поэм А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова, «сатирической трагедии» И. А. Крылова «Трумф» и т. д.; на обороте обложки датирующая помета: «1822 19 сентября», бумага с водяным знаком 1820 года); 2) Там же. Ф. 325. Оп. 1. № 10. Л. 51–55 об. (тетрадь С. Н. и А. Н. Мариних, под списком «Братьев-разбойников» помета: «Переписано 30. IV. 1832»); 3) ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 98. Л. 37–39 об. (первый сборник из архива И. В. Помяловского, на следующих листах той же тетради — текст, датированный «1823 года Майя 18 дня»); 4) РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. № 602. Л. 22–26 (тетрадь со списками стихотворений и поэм А. С. Пушкина, И. И. Козлова, И. А. Крылова и других авторов; на титульном листе заглавие и датирующая помета: «Сочинения Александра Пушкина. 1826 3 Генв.»); 5) Там же. Ф. 384. Оп. 2. № 9. Л. 30–35 об. (поэма А. С. Пушкина «Братья разбойники»; рукописные списки 1-й пол. и сер. XIX века).

списки вступления (как список Муханова),⁵² но соседство в одной тетради или альбоме текста «Братьев разбойников» без интродукции и отдельно скопированного ее текста — в тетради В. Ф. Щербакова⁵³ и тетради Н. А. Воцинина.⁵⁴

Наконец, в пользу предложенной реконструкции может свидетельствовать и любопытное указание П. А. Плетнева в его некрологической статье о Пушкине, помещенной в 1838 году в «Современнике», где в том числе говорилось: «1827 [года] напечатаны, сверх III главы Онегина, следующие его поэмы: *Цыганы*, *Братья-разбойники* и *Граф Нулин*. Ко второй из них впоследствии присоединил он небольшое вступление, но столь замечательное по новости сурового характера в картине и верности колорита, что оно может быть причислено к отрывкам самого высокого достоинства».⁵⁵ За годы, прошедшие со времени описываемых событий, Плетнев, конечно, мог забыть, к какому именно моменту относилось «присоединение вступления», но сам факт позднейшего появления интродукции, очевидно, поинтил хорошо.

Все эти обстоятельства позволяют лучше объяснить и скандальную историю публикации вступления к «Братьям разбойникам», которое в июне 1824 года самовольно напечатал в «Новостях литературы» А. Ф. Воейков, процитировав текст в своей статье «Путешествие из Сарепты на развалины Шори-Сарая» со скромным указанием «Стихи А. Пушкина».⁵⁶ Стремительное появление этих строк в печати — в обход Рылеева и Бестужева, издателей «Полярной звезды», которым Пушкин обещал полный текст поэмы,⁵⁷ — вызвало яростное их возмущение,⁵⁸ градус которого более объясним, если речь шла именно о литературной новинке, а не давно известном петербургской литературной публике тексте, которым была собственно сюжетная часть «Разбойников».

Таким образом, история рукописного бытования «Вадима» и «Братьев разбойников» оказывается важным элементом как творческой, так и рецептивной их истории. Это заставляет расширить сложившиеся представления о текстологическом и комментаторском статусе ранних списков и пересмотреть методику работы с ними — равно в текстологической и в историко-литературной перспективе.

⁵² Помимо списка из архива Мухановых, это список из тамбовского архива Баратынских «Мара»; современный шифр: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 5. № 48. Список неустановленного лица, на том же листе — выписки из романа Ж. де Сталь «Дельфина» рукой Н. Л. Баратынской.

⁵³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 47. Л. 19 об. — 23 («Отрывок из Поэмы: Братья Разбойники» <«Нас было двое: брат и я... — За старца брат меня молил!»>), 30 об. — 31 («Разбойники» <«Не стая воронов слеталась... — И все кругом ему внимают»>).

⁵⁴ Там же. № 81. Л. 2 («Разбойники» <«Не стая коршунов <так!> слеталась... — И все вокруг его внимают!»>), 2 об. — 4 («Братья разбойники» <«Нас было двое, брат и я... — За старца — брат меня молил!»>). На первом листе тетради запись: «Собрание стихов. Соч. А. Пушкина. 1824 год октября 30».

⁵⁵ Плетнев П. А. Александр Сергеевич Пушкин // Современник. 1838. Т. 10. С. 38–39 (курсив мой. — А. Б.). На это свидетельство обратил внимание Н. К. Гудзий, интерпретировавший его так же, как и мы: Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина. С. 649.

⁵⁶ Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль. С. 12–13.

⁵⁷ Однако следует отметить, что у Воейкова, очевидно, был свой источник текста, не идентичный тому, с которого печатали «Разбойников» Рылеев и Бестужев (ср.: Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: Т. 2. С. 24–25). См. разночтения публикаций «Полярной звезды» и «Новостей литературы»: «Прошел все степени злодейства» («Новости литературы») — «Прошел все ужасы злодейства» («Полярная звезда»), «Кто грабит жадною рукой / Вдовицу с бедным сиротой» («Новости литературы») — «Кто грабит хладною рукой / Вдовицу с бедной сиротой» («Полярная звезда»), «Над их преступною главою» («Новости литературы») — «Над их преступной головою» («Полярная звезда»). Характерно, что эти колебания прослеживаются также и в обследованных нами списках. При этом копия из архива Мухановых ближе к тексту «Полярной звезды», они расходятся только в ст. 21 (в мухановском списке: «Прошел все степени злодейства»), ст. 37 (где в альманахе, скорее всего, опечатка: «Угрюмой неги праздный час» вместо «Угрюмой ночи») и ст. 40 (в мухановском списке «И все вокруг его внимают», а в «Полярной звезде» «Всё вокруг его внимают»).

⁵⁸ Об этом эпизоде см., например: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 30–31.